

Рассказ вдохновлен Лоуренсом Аравийским и ре-альной историей с работы. Но мы видим историю не с точки зрения Лоуренса, а с точки зрения людей, которых он вел и вдруг почему-то перестал. Я пишу о группе, которую оставил ее лидер. Ребята не понимают, почему и что делать дальше.

The truth is like poetry. And most people fucking hate poetry.*

Подслушал как-то в забегаловке
Майкл Льюис

Вы когда-нибудь испытывали на себе, как мерзко может звучать плохая игра на скрипке? Я вот, например, был неприятно удивлен тем, насколько все же громко может скрипеть такой, казалось бы, маленький кусок дерева. И в принципе логично: скрипка создана для того, чтобы ее было слышно в большом концертном зале. It was simply designed this way. Иногда такое можно сказать и про людей.

Костя пришел к нам внезапно, как ковид-19, только за три года до него. Был пасмурный осенний день, из каждого двора, из каждой подворотни ветер вихрями выгонял пожухлую листву, которая отчетливо шуршала: «Лето кончилось, Санек».

* Истина как поэзия, а большинство ненавидит поэзию.

Мы с друзьями шлялись в субботу по пустынным московским улицам, обсуждали музыку, стреляли друг у друга сигареты и заглядывали в окна первых этажей в надежде узнать, не поменялись ли у владельцев обои. Пока Оля под наше улюлюканье разворачивала очередной локальный мем, из-за угла резко появился высокий незнакомец с рыжим ежиком на голове.

– *Главное, перед тем как тереть, потрогайте бумагу. Она не должна холодить руку. Если все-таки чувствуется прохлада, то лучше еще подождать. Иначе ластик просто снимет верхний слой бумаги, и это не замаскировать.* – Во-первых, от его слов в ушах осталось отчетливое послевкусие курсива. А во-вторых, он совершенно точно обращался к нам.

Обычно в случаях конфликта я цепенею и, словно ракушка или капуста, закрываюсь, закапываюсь в кучу своих слоев в надежде, что рыночек порешает. В этот раз в роли рыночка выступила Оля. Так как незнакомец явно стоял и ждал ответа, она вышла вперед и со всей серьезностью спросила:

– Что?

В этот момент я явно ощутил присутствие дежавю. Вот то самое вязкое, кисельное чувство, что все вроде бы уже когда-то происходило, что все повторяется. Дежавю сопровождаются у меня каким-то внутренним темно-желтым августовским светом и чуть слышным запахом свежего белого хлеба. Вот

и в этот раз я смотрел на лицо, на сочно-рыжую щетину незнакомца, на его игривую ухмылку, направленную к нам. На Олю, поднявшую в вопросительном жесте обе руки, на дымящуюся сигарету, зажатую между ее пальцами. Словно в какой-то Матрице, камера облетела действующих лиц: сжавшийся я, серьезная, как стрела, Оля, пытающийся уловить суть Леша и с выехавшей вперед челюстью Рома, который готовился задать вопрос вслед за Олей.

Пока камера отправлялась во второй круг. Незнакомец сверкнул своими голубыми глазами, поднял правую руку с зажатым в ней то ли толстым желтым мелком, то ли карандашом и с усмешкой сказал: – *Соус*, – показывая левой на карандаш.

Потом перевел указательный палец на себя и добавил:

– *Костя*. – В его ответах все также продолжал слышаться курсив. Как будто к его обычному «Костя» в ухо зеркально решила прошипеть его имя сбежавшая из зоопарка змея.

После этих слов произошло что-то странное – пространство и время как будто бы сначала со скрипом сжались, а потом пружиной вместе выстрелили нам в головы, а дальше резкий киномонтаж в духе Гая Ричи:

- В его руках картинка, как будто нарисованная акварелью, с грустной желтой стеной. Стеной, очень похожей на ту, рядом с которой мы стоим.
- Ластик, медленно оставляющий за собой на картинке белую арку по этой нарисованной стене.
- Желтая карандашная крошка на краях линии ластика.
- И сразу, параллельно, – желтая крошка, падающая на пол от краски стены.
- Яркий слепящий свет от стены настоящего дома – на ней такая же дуга, как и на рисунке.
- Дуга светится белым, словно ее вырезали на стене жидкими люминесцентными лампами.
- Мы попеременно, с открытыми ртами, смотрим то на белую арку на рисунке, то на светящуюся арку на доме.
- Улыбка Кости, протянутая рука и приглашение пойти за ним: *«Не все проблемы можно решить, но некоторые можно перерастить»*.
- Ощущение влюбленности в человека, когда только и можешь думать, что о разговорах с ним, о времени вместе.

Так-так-так, это какая-то чушь. Что происходит? Внутри есть ощущение подъема, словно тебе предлагают пост с интересными курсами на ВК. Мол, добавь себе на стену, чтобы потом обязательно все посмотреть и сделать свою жизнь лучше.

От Кости пахнет песком и солнцем. Запах пробивается даже сквозь глухую осеннюю морось. Он, словно Лоуренс Аравийский, поднимает руку и зазывает за собой в пустыню. И глаза у него такие же нереально голубые и пронзительные.

- Мы соглашаемся, я соглашаюсь.

Костя словно группа ОМОНа, неожиданно выпрыгивающая из автозака и забирающая случайного человека с улицы. Если цель милиции случайными задержаниями посеять страх и панику в рядах протестующих, то цель Кости, по крайней мере по его словам, – сеять серендипность – способность к непреднамеренным открытиям. «Умению замечать неслучайную случайность». Это когда ты можешь увидеть, что на полке стоит очень редкий китайский роман, только если ты: а) знаешь китайский язык и б) знаешь о существовании этого романа. Такого рода вещи.

Костя появлялся каждую субботу. Он заранее подготавливал соус (это такой специальный карандаш-мелок), примешивая к нему крошку с кирпичей стен, которые он рисовал (видимо, так он создавал с ними эту магическую связь). Проводил ластиком по нарисованным соусом картинам контуры дверей, и эти двери появлялись в реальности. Звучит, конечно, обыденно, но это так. Почти как в «Рике и Морти» с их приключениями на двадцать минут. Но было и существенное отличие. Каждое из путешествий напоминало забытый сон: ты вроде знаешь, что сон происходил, вроде можешь вспомнить его очертания и настроение, но он больше просто БЫЛ, чем что-то еще. В общем, не серия мультсериала, а, скорее, друг, который напоминает тебе, что ты смотрел когда-то давно серию, и ты силеншься вспомнить. Вроде бы да – серия была, и ты вроде сидел на стуле. Но кроме потерятой обивки стула – ничего.

Правда, я помню (или думаю, что помню), что не во всех путешествиях Костя был «прав». Что мы не всегда выигрывали (да и что такое выигрывать в этом контексте в принципе?) или что он поступал правильно. Может, иногда Костя нас использовал, а иногда мы его. Но, повторюсь, это просто тени воспоминаний, никакой конкретики. Каждую субботу мы, словно прилежные ученики, ждали появления Кости.

И вот в прошлую субботу он сказал, что сегодня покинет нас. Мы стояли на какой-то заброшенной стройке. Под ногами хрустело стекло от бутылок.

Помню, как давил зеленую стекляшку мыском ботинка, слышал ее скрежет по бетонному полу, глупо улыбался и отвечал Косте, что раз он это делает и раз принимает такое решение, то оно точно осознанное.

Леша разозлился и крикнул:

– А зачем тогда было все начинать? Это подло! – Голос его еще долго глухо отражался туда-сюда от пустых кирпичных стен.

Оля, нервно сглотнув, спросила:

– Почему? Куда ты уходишь?

Рома промолчал.

Костя медленно присел на корточки, сложил ладони и вперил в нас свой пронзительный взгляд голубых глаз. Я опять отчетливо услышал горячий запах песка. Он смотрел, будто оценивая. Или?

Сразу вспомнилась идея карассов писателя Курта Воннегута. Карасс – некоторая группа людей, имеющая определенную цель в Провидении – Божьем плане.

«Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека без особых на то причин, этот человек, скорее всего, член вашего карасса», – вспомнил я цитату.

– Ты строил из нас карасс? – задал я вопрос.

В этот момент удивительно глупым показалось то, что за все это время, за все прошедшее время, за все путешествия-приключения, или как их еще назвать, мы не задали ему миллион вопросов. Не спросили: как? зачем? что? почему? Мы были словно в забытии, в трансе – просто покорно ждали его появления каждую субботу, а потом шли за ним сквозь эти прочерченные ластиком на картинах и магическим образом появляющиеся на стенах двери. Удивительно, но после нам хватало слов о какой-то серендипности.

– *Те, кто никогда не меняют свою точку зрения, никогда не меняются. Вспомните этот момент через двадцать лет, сколь ни важен он сейчас, через двадцать лет он не будет иметь значения,* – как ножом отрезал Костя и замолчал.

Меня словно обухом ударили. Я не верил в то, что происходит, и не хотел верить тому, что он говорил. Это все? А предназначение? А смысл? Почему мы? Мы просто ему надоели? Или не оправдали ожиданий? Или что? Что, черт побери?

– *Знаете, в чем разница между молодостью и старостью?* – Курсивные слова Кости каким-то магическим крюком, как всегда, вывели меня из внутреннего монолога.

– Нет, – злобно бросила Оля.

– *Вот и я не знаю.*

В этот момент запах песка стал нестерпимым. Он зудел в ноздрах, он жег глаза. Я инстинктивно зажмурился, сжал зубы и с силой прижал кулаки к глазам. Спустя какое-то время запах ушел, ушел и Костя. Мы поняли это, открыв глаза. Я думал, что после такого эффектного ухода он по законам жанра оставит нам свой карандаш-соус. Но не было и его.

И все? Это все?

Тут можно было бы вспомнить, например, про шеринговую экономику. Знаете, когда берешь, например, на время в аренду автомобиль. Вот ты проехал от аэропорта до дома. Нашел с трудом, где его припарковать, выключил двигатель, захлопнул дверь. Тапнул по кнопке в приложении, деньги списались, фары потухли. Машина больше не твоя. В ней через час поедет Вася из соседнего подъезда. И машину ты эту больше не увидишь никогда. Машины у тебя не остаются, а вскоре тускнеет и совсем исчезает воспоминание об этой поездке.

Да, вроде существовал этот миг, этот час езды от аэропорта до дома по гудящим московским улицам. Возможно, тогда по радио ты слушал «Касту» или «Bad Guy» Билли Айлиш. И был, наверное, счастлив.

И так ли нужна своя машина? Так ли важно чем-то владеть, иметь возможность к чему-то возвращаться? К той же машине в гараж. А если провести аналогию с людьми, так ли важно привязывать к себе человека навсегда? И если не навсегда, то хотя бы на время?

Мне бы хотелось так рассуждать – так умно, красиво. Со всякими шеринговыми аналогиями и с умением отпускать.

Но в тот момент, да и сейчас, неделю спустя, нам было просто очень и очень обидно. Он ушел, не оставив ничего. Ни умений, ни знаний, ни даже каких-то четких воспоминаний. Какой-то хрен с горы.

Нам (мне, Оле, Леше, Роме) непонятно, зачем было это все. Но оно, вот все вот это вот, точно было, клянусь. Был Костя с его курсивом, серендипностью и нарисованными соусом и ластиком дверями. Тут без каких-либо поворотов, как в фильме «Начало» или даже в «Шелкунчике». Говнюк.

И мы до сих пор не знаем ответа на Костин вопрос, тот самый, который про возраст.

